СТРАННИК

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

СТРАННИК ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

СТРАННИК

СТРАННИК

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

СТОКГОЛЬМ
1974

Напечатано в Швеции в типографии
Almqvist & Wiksell Informationsindustri AB
Uppsala 1974

ЛЕГКИЕ СТИХИ

ИСКУССТВО

Цветенье слова сходит с высоты,
Несу Тебе опять свои цветы,
Еще не начинавшие цветенья.
Прости меня за щедрость немоты,
За это бедное изнеможенье
Той медленной любви, что создал Ты.

ХОЛОДЕЮЩЕЕ НЕБО

Тебя не знать — такая незадача
Любовь твою отвергнувших людей.
Я все стою перед тобой и плачу,
И все позднее в мире, все поздней.
Лучи, как бабочки, к цветам прильнули,
Все холоднее, строже их покров.
И солнце, как пчела в огромный улей,
Уходит от земных своих цветов.

НАЧАЛО ЗВЕЗД

Ветки трепет, редкий лепет,
Исчезание сознанья.
Синий снег деревья лепит
В предвечернем угасаньи.
Облака, закат построя,
Опускают мира веки.
И приходит все простое,
Все желанное навеки.

ПРОХОЖДЕНИЕ СКВОЗЬ ПЕПЕЛ

Утро солнечное и подъем,
Словно мы из пепла восстаем.
Пепел возвращает нас в лучи,
Пепел утром, как огонь кричит.
А потом опять ведет ко сну,
Даром легким всем и никому.

ПАЛЬЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Свет в земные пальцы вкраплен
Откровенья и виденья.
Пальцы — медленные капли
Примиренья и прощенья.
Могут быть они мечами,
Но творил их Бог лучами,
Вечно новыми ручьями
Чистого прикосновенья.

ГОЛЛАНДИЯ

Луга запахли солнцем и ромашкой,
И свежестью непобедимых трав.
Стада пасутся медленно и тяжко,
К своей бессмертной зелени припав.

И переходят облака сквозные
В покров небесной силы над землей,
И плачут эти ангелы немые
Над морем, над лесами, надо мной.

Дорн, Август 1971.

НЕКЛАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Чувств классовых никак не понимая,
Мы ездим в разных классах мирозданья.
Но лишь одно у нас, людей, сиянье,
И наша жизнь нигде не умирает.

У окон бьется ветер потрясенный
И будит нас, то нежно, то сердито.
И окна удивительных вагонов
На небо одинаково раскрыты.

Куда нам ехать и в какие дали,
Напрасны путевые наши споры —
Уже подходит этот поезд скорый
К той станции, которой мы не ждали.

УВЕНЧАНИЕ ПЛАЧА

Плачь по миру, плачь по мне,
Плачь по медленной луне,
Плачь по каждому созданью,
По неведенью и знанью,
По весеннему ростку,
По осеннему цветку.
Плачь по этим горьким селам
И по городам веселым.
Радость плачем обозначь,
По слезам своим заплачь.
Слезы мира не случайны,
Это голос лиры тайной,
Голос нежный и немой
Человечности самой.

ПИСЬМА НА СТАНЦИИ

Почтовые мешки лежат небрежно,
Их выбросили быстро из вагона.
И много в них таится писем нежных,
Надежды посланной, любви бессонной.

Вверяют слезы безразличной силе,
Плывет любовь холодными волнами:
Бутылки в море, видимые нами,
Что мы уже нашли, но не открыли.

ЛЮБОВЬ

А. И. Солженицыну

Любовь любви не выбирает.
Она идет на бытие
И увлекает песни рая
В земное царствие свое.

Но, если выйдет слишком рано,
Любовь, она горит как рана
И в мире сожигает все.

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИИ

Когда к Содому ангелы пришли,
Предстала им земля во всем нагая.
Ручьи шумели в землю убегая,
Метались птицы в огненной пыли.

И загорались все века земли.

2 – 722477

ТОРОПЯЩАЯСЯ ЛЮБОВЬ

Нам хочется не верить, а спешить,
Мы на земле торопимся от века.
И в этой торопливости души
Приходит в мир бессмертье человека.

Его еще никто не мог узнать
В тяжелых, медленных тысячелетьях.
И все оно спешит к земле, как мать,
Сиять, сиять и горевать о детях.

ЧЕЛОВЕК

Каков он, человек? Не все ль равно!
Попробуй это терпкое вино
И ты услышишь, что оно иное,
Что есть в нем благодатного настоя
Еще почти неслышный аромат ...
Никто собою в мире не богат,
Но нам дается древняя услада
Услышать Сад еще вдали от Сада.

ИГРУШКИ

Союз игрушек сладко нерушим,
Игра приятна детям и солдатам.
И молодости мы не завершим,
Не сделаем раздумье вероятным.

Все заводное, детское давно
У нас на целый век заведено.

ПОЭТИНКА

Не былинка, не пылинка
Пала на меня —
Поэтинка, паутинка
Белого огня.

Но таких мгновений света
Исчезает след.
Лишь ослепшие поэты
Видят этот свет.

ТЕЛЕФОН В СУМЕРКАХ

Зазвенел холодный телефон
В комнате оставленной давно,
Словно вспомнил вдруг о чем-то он
И теперь стучал, стучал в окно.

Приходила, уходила власть,
Равная почти самой судьбе,
И нужда откуда-то неслась
Рассказать кому-то о себе.

МЕЖДУ СТРОК

Все бездомно между строк,
Всякий в мире одинок.
Одиноки корабли
Между строками земли,
Одиноки короли
В бриллиантовой пыли.
Только ты не одинок,
Это тоже между строк.

СТЕНА ПЛАЧА

Стена — стенанья и плача
Стоит посреди земли,
И к ней по следам горячим
Плывут, плывут корабли.

Идут, идут пешеходы,
Паломники древних мест,
Взыскующие свободы,
Свободы не взявшей крест.

Но есть над Стеною Плача
Великая чистота,
Высокая наша удача —
Слеза самого Христа.

Иерусалим, 1972.

БЕЗМОЛВИЕ ИЗРАИЛЯ

Гортанных звуков жизнь земли полна.
Играют дети, смуглые камеи,
И прячется земная тишина
Среди камней пустынной Иудеи.
Она еще живет средь бледных скал,
Пророческая тишина народа,
Что на Синае Моисей искал,
Когда он говорить земле устал
О вере, избирающей свободу.

ГАЛИЛЕЯ

Далекнм дымом отгорела Русь.
Ни боли нет, ни жалоб, ни утраты.
На озеро Генисаретское крещусь,
На утренний туман белесоватый.

И тот же Спутник Эммаусский твой
Идет с тобой, сияя тайным ликом,
В слияньи тишины Своей великой
С озерной многоликой синевой.

ЛОС АНЖЕЛЕС

Тончайшая пальма качает главою небрежно,
Идут все дороги куда-то направо и прямо,
Дымок непослушный висит над равниной упрямо
И плещет средь мягкого жара напиток безбрежный.
Лучи, как дома, в безуханных цветах притаились,
Кричат тормоза на неверных своих поворотах,
И свежесть вечерняя, в небе рождаясь, как милость,
Все хочет на землю прийти и утешить кого-то.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СЛАБОСТЬ

Памяти Г. Адамовича

Все тише петь и все слабеть я буду.
Изнеможение войдет в меня
И, уходя, я не возьму отсюда
Ни одного блистательного дня.

Я три свечи возьму с собой в дорогу —
Надежду все отдать и все найти,
Свои слова благодаренья Богу
И молодость последнего пути.

Идет уже на мир любовь другая,
Иные песни, ветры и снега.
И слабость, наклоняясь, принимает
Мою безбрежность в эти берега.

МАНДЕЛЬШТАМ

Умирать — его ремесло.
Долго знать, что время пришло,
Отодвинут двери засов
В самый медленный из часов.

Умирать, это знать, что мать
Начинает тебя рождать
И свобода, как небосвод
К молодому тебе идет.

Непричислившийся к часам,
Как он молод, не знает сам.
Много лет ему и веков,
Самых медленных облаков.

Умирать — его ремесло,
Поднимите его весло.

ВОСКРЕСЕНИЕ ПОЭТА

Когда созреют к жатве нивы
И Ангел в небе затрубит,
Он будет тем рабом ленивым,
Что на земле бесплодной спит.

Вся жизнь его прошла в виденьях
Недостижимой чистоты
И слышал в мире он движенье
Неизъяснимой высоты.

Восстанут мертвые, с трубою,
И смерть от смертных отойдет,
А он останется собою,
Лежать, как нищий у ворот.

Не понимая шумных звуков
Земных побед в добре и зле,
Он только будет видеть Руку
Твою, прильнувшую к земле.

МУЧЕНЬЕ НЕБА

В небе есть чудесное мученье
Отдаленности и несогласья
С нашим неуменьем, неученьем,
Непричастьем нашим, неучастьем.

Кротко ищут ангелы опоры
В нашей беззащитности и боли.
Золотые нам приносят горы,
А от нас хотят щепотку соли.

ПОСЫЛКА РОССИИ

Все в мире ветер посылает в ссылку —
И облака, и пыль, и колос ржи.
Из Новодевичева мне пришла посылка
С какой-то русской взятая межи.

Растрепанной пеньковою веревкой
Повязан был простой молитвослов.
Бумага серая цвела неловко,
Но сколько было в нем хороших слов.

О Боге он шептал, с благословенья
Всех солнц и звезд, мерцающих во мгле.
И было небу слышно это пенье,
Сокрывшееся в русской конопле.

ЕЩЕ О ЛЮБВИ

Сказал Господь любви моей — во ад,
Любовь, сойди и отыщи мне душу,
Которая прошла моря и сушу
И ныне спит во тьме, как чистый клад.
Я ощутил ужасное томленье,
Покрыла тьма меня, и я достиг
Души, ей передал благословенье —
Затрепетал вдруг просиявший лик
И началось на землю восхожденье.
Когда взошли, я снова стал один,
Мы не встречались больше, даже взором.
Ту душу, что поднялась из глубин,
Я отдал небу, рекам и озерам.

3– 722477

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ

Сделать нельзя иначе,
Жизнь человека в плаче,
Жизнь в нищете огромной,
Свечка в светелке темной.

Только потом и — после
Всех мертвецов восстанья,
Легкий, блаженный ослик
Вновь пройдет над цветами.

Он пройдет не в надежде,
А в победе открытой,
По бескрайной одежде,
Малым, серым копытом.

ЧАЙКА

Ей ветер пел и плакал сквозь туман,
Она летала и в волне качалась,
И небо где то близко начиналось,
Невинный крик ее был небу дан.
И этот крик носился над водою,
Как звук над первозданной тишиною.
Невинной жизнью мир был полон весь
И было счастье сотворенья здесь.

Швеция, 1972.

ПОЭЗИЯ

Заполняй любовью десять строчек,
Сочиняй зарю над небосклоном,
Прицепи к весне один цветочек
И осинку в платьице зеленом.

Делай это без большого шума,
Призови себя потом к покою
И свои метрические думы
Назови бумагою простою ...

А потом, когда нибудь, случайно
Забредет в ненужный дом бродяга —
И прочтет любви большую тайну
На твоей совсем простой бумаге.

СТРАНСТВИЯ

ЛИРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

УТРО В НЕБЕ

К звездам в плен попало море,
Синяя, предутренняя мгла.
Но, как ласка в добром взоре,
Вдруг себя земля зажгла.

Вспыхнула, заполыхала,
Островами света занялась,
И — бежит на небо пламень алый,
Торжествуя и смеясь.

РАССКАЗ НАЧИНАЕТСЯ

Мы летим над пенистым прибоем,
Что хранит от моря зелень рощ,
И на всё, как жизнь простое,
Льется солнца чистый дождь.

Слов еще, как будто, мало,
Но пора начать рассказ:
Мир зеленый, Гватемала,
Костарика, Гондурас ...

ОБЛАКА

Сколько разных облаков,
И больших и малых,
Разговорчивых легко
И уже усталых.

Что они хотят сказать
Иероглифично,
Может что-то означать
В жизни нашей личной.

ТУМАН

Иногда войти в туман,
Видимо, полезно.
Много пролетел ты стран,
Видел путь межзвездный.

Всё ты знаешь, всё легко
Твоему сознанью.
Погрузись же в молоко
Детства и незнанья.

ОСТАНОВКА

Пролетев шагов пятьсот
Над своей дорожкой,
Тронул землю самолет,
Подскочив немножко.

Рады все такой судьбе,
Будь, что будь, а рады,
Стосковались по земле,
Людям землю надо.

ТРУДНОСТЬ ПРОСТОТЫ

Жизнь совсем не так легка
Высших организмов,
Потому что велика
Власть людских трюизмов.

Кажется, просты слова:
«Жизнь — преддверье Рая», —
Но едва, едва, едва
Мы их понимаем.

ПРОТИВ АНАРХИЗМА

Надо всё же подчиняться
Той реальности земной,
Что висит над головой;
К ней не надо придираться.
Мы за ней, как за горой,
Как за кожей, за корой.
Зернышком за шелухой,
Любит истина являться.

ДОВЕРИЕ

Вера, вера, только вера,
Только вера движет светом;
Не поверь-ка инженерам,
Да попробуй жить при этом.

Убедишься очень скоро,
Что спасаться непрестанно
Надо верою в шофера,
Летчика и капитана.

ПАСПОРТА

Как чаша полная у рта
И отворенные врата —
Визированные паспорта ...
Пускай страна еще не та,
Куда душа хотела бы попасть.
Пускай не та еще и власть ...
Но в этом человека допущеньи,
Есть вечного уже предвосхищенье.

НЕБО

На высоте земного смысла нету,
Иная там у человека стать.
Летя, я всё хотел прочесть газету
И всё никак не мог ее понять.

Как будто те же всё слова земные,
И понимаю этот свой язык,
Но — смысла нет, ни в Чили, ни в России,
И ясен только неба чистый лик.

ТАЙНОДЕЙСТВИЕ

Когда мы улыбаемся соседу,
Иль машем поезду бегущему вдали,
То это значит, — меж собой беседу
Два ангела на небе завели.

Но ангелов, в житейском беге нашем,
Мы замечаем лишь едва-едва ...
Беседуют они, а мы — «платочком машем»,
Иль говорим прекрасные слова.

4 – 722477

ПОЛУСОН

Не оттого ль, что ранняя весна
Своих цветов еще не распустила,
Мы все живем в каком-то чувстве сна,
Скорей изнеможенья, а не силы.

Никто из нас единством не томим
И разность мыслей души не тревожит,
Не оттого-ль, что всё еще мы спим,
Иль только пробуждаемся, быть может.

ГАЗЕТНЫЕ КИОСКИ

Вот киоски средь Парижа,
Убранные новостями,
Всех людей сдвигают ближе,
Для чего — не знают сами.

Новости объединяют
Тех, кто думать не умеет.
Как газета, мир стареет
И, как новость, умирает.

ШВЕЙЦАРИЯ

Корабль плывет по солнечным дорогам,
Серебряными крыльями звеня.
Озерных гор и матовых отрогов
Холодные проходят зеленя.

Швейцария! Как близкий собеседник
Дней юности моей ты мне мила, —
Европы тихий страж и заповедник
Безбурности простого ремесла.

ЯЗЫК СОЛНЦА

Есть много не пород, а душ окаменелых.
Они лежат в нагроможденьях дней,
Среди землей накопленных теней,
Увядшей юности и старости незрелой.

И тенью жизнь проходит над землей,
А солнце всё встает, благовествуя,
И эту жизнь, и жизнь еще иную, —
Теплом, единством, светлостью, собой ...

ТОРОПИСЬ

Как можно мир желать переиначить
Всё той же человеческой войной,
Когда победа ничего не значит,
И пораженье всех зальет волной ...

Закидывай скорей, средь старых берегов
Оставленного людям совершенства,
Всё ту же сеть любви — готовь улов
Неистребимого блаженства.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ЛЮБВИ

Держи любовь, как веру, высоко,
Но под ноги себе гляди при этом.
Разбить ее ты можешь так легко,
О самые ничтожные предметы.

Не увлечение она, не страсть,
Хотя ее, как страсть превозносили.
Любовь, — она ведь может вдруг упасть
И раствориться в придорожной пыли.

ОТРЕШЕНИЕ

Нам всем дано оставить позади
Всё то, что названо существованьем,
Забыть на час, на день свое дыханье
И только тишину беречь в груди.

И посмотреть на землю не спеша,
Порадоваться о земле немного,
И всё иным увидеть на дорогах,
Как в первый раз увидела душа.

ВСТРЕЧА НА РОДОСЕ

Ветер запах моря к нам донес,
Что прошел чрез розовые зори.
Родос, это значит остров роз,
Остров зорь на дальнем море.

Нас привел сюда не старый спор
О кратчайшей к небесам дороге.
Мы пришли сюда от разных гор,
Чтоб, как братья, говорить о Боге.

ЭЛЛАДСКИЙ АРХИПЕЛАГ

В лучистой дымке тонут острова,
И радость полуденного творенья
Приходит к нам, как вдохновенье,
Как не произнесенные слова.

И кажется, что нет земли иной,
А только грозди золотистой этой,
Как виноград, в веках, согретой,
Еще не названной землей.

ПОЭЗИЯ

Поэзию понять не так легко,
С ней надо, и пожить, и потолпиться
В ее строках, проникнуть между строк
И удивленью научиться.

Как дальняя звезда, чиста и высока,
Для каждого неповторимо-лична,
Поэзия привыкла к чудакам
И полюбила непрактичных.

ЛЕТО БЛАГОПРИЯТНОЕ

Синий жук в траве лесной,
Васильки на белых нивах, —
Мир чудес неторопливых,
Нам оставленных весной.

Открывается твой след
В наклоненном небе этом,
След земли уже согретой,
Обращенной только в свет.

МИР

Мы входим в этот мир не с самомненьем,
Мы нищими приходим в этот дом.
Сперва мы плачем, а потом поем,
И после затихает наше пенье.

И тишины мы даже не хотим,
Которая еще не стала раем.
И лишь Небесный Иерусалим
Мы, как свое жилище, принимаем.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Есть день седьмой —
Порог любви земной.
И, после совершенства
Земных дорог,
Дает нам Бог
День вечный,
День Восьмой,
Страну блаженства.

КАПЕРНАУМ

Если ищешь ты тишины
Для хороших раздумий,
Остановись, как и мы,
В Капернауме.

Там слово живет в камнях
И небо подходит близко,
И встретит тебя монах
Фратре Франциско.

ПЕСНЬ НАЗАРЕТА

Если ходишь по земным дорогам,
Светлый дух в тебе самом — награда.
Не молиться только Богу надо,
Но и жизнью целой петь пред Богом.

Он — Отец. Неси Ему все раны,
Все счастливые свои мгновенья, —
Слезы человечества и пенье
Одинаково Ему желанны.

ЧАША

Вся в цвету, когда цветут лилеи,
Словом солнечным согрета,
Чаша озера Геннисарета,
Голубая чаша Галилеи.

Волны милости от этой чаши
Растекаются по градам,
И стоит Единый с нею рядом, —
Там стоит, где сердце наше.

5 – 722477

ЦАРЬГРАД

Средь разрушенных башен,
Развалившихся стен,
Город, взятый в плен,
Был врагами украшен.

Но одна беднота
В таком украшеньи!
И живет красота
Лишь в самом крушеньи.

ВИЖУ ЧЕРНОЕ МОРЕ

Весь мир подобен неостывшей лаве,
Вокруг которой залегли снега.
Уже давно Господь велел оставить
Моей России берега.

Уж сорок лет прошло. И мало
Я вспоминаю их тугую нить.
О только бы душа не забывала —
Всё забывать, за всё благодарить.

ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА

На этих островах мы начали скитанья,
Как будто голос дальний нас позвал.
И с Русью совершилось расставанье.
За валом-днем катился новый вал

И, поднятые им, мы отплывали
Всё в новые и новые края,
И поднимались мы на каждом вале,
И родиной нам стала вся земля.

СЛУШАЙ

Предчувствия, кто ими не томим?
Предвестия, кто ими не разбужен?
Но не всегда нам можно верить им,
И громкий голос ангелам не нужен.

Тебя предупредят о том, что впереди,
И к неизбежному готовить будут мигу,
А ты, открыв Единственную Книгу,
За тихими советами следи.

СТИХИ

Стихами можно в мире всё сказать
И, даже больше, чем сказать словами.
Стихи — почти безумия печать,
Того, что правит мудрецами,
Пророкам истину кладет в уста,
Из огненного говорит куста,
И, выше всякого земного знанья,
Несет земле последнее молчанье.

ЧИСТОТА

Без веры нет, ни в чем, у нас участья.
В садах незримы вечные цветы.
Меж равнодушьем и пристрастьем
Лежит дорога чистоты.
И нет для нас уже пути иного, —
Как вера, чистота земле дана.
Чем чище жизнь, тем тише слово
И сокровенней тишина.

РИМ

На одной из тихих улиц Рима,
Кто-то молча протянул мне розу.
Я купил ее. Блестящей фольгой
Был обложен стебель розы алой,
Крепко связан был он с мишурою.
Долго дома очищал я стебель,
Снял и грех неведенья земного
С этой малой, чистой, алой розы.

ЗНАНИЕ

Мы так бессильны новое сказать
И старое понять мы не умеем.
И каждый человек всё хочет стать злодеем,
Чтоб тайну зла и блага разгадать.

И слепы мы. Познание в одном,
Чудесном, новом знанье нашем.
Оно приходит, как весенний гром,
И всем сияет, как Христова Чаша.

ТЕХНИКА

Еще, как будто, не убеждены,
Что технику Творец земле оставил,
Мы посылаем спутником луны
Свое земное жалкое тщеславье.

Идут века. И все дары Отца,
Мы снова лишь себе одним вменяем
И Башню строим, — и опять не знаем,
Что не построим Башню до конца.

РАННЯЯ ОСЕНЬ

С высокого, открытого балкона
Я вижу город Франкфурт. Он лежит
В недвижной зелени, как малахит;
Рождаются и исчезают звоны.

Осеннее последнее тепло
Так неподвижно и неотразимо,
Как уходящее, что не ушло,
Как добрый друг, что не проходит мимо.

ЧЕЛОВЕК НАД ГРЯДКОЙ

Человек над грядкою склонился,
И земля уже ему внимает.
Он земле, как будто, удивился,
А она пред ним лежит немая,
Слышит всё, но слов еще не знает,
Потому что все слова земные,
Как и нити солнца золотые,
От небесного приходят Рая.

ПРЕДЕЛЫ ЛИРИЗМА

Когда строфа поднять не может взора
И отвлеченность будоражит стих,
Лиризм наскучить может очень скоро
Красивостью неясностей своих.

Но ни к чему нам также погруженье
В один простой лирический рассказ,
Где, словно волны, ходят выраженья,
Встречавшиеся в жизни много раз.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЛОВА

Безмерное, чудесное, простое
Лежит на всем земном и звездном строе.
Сквозь гибнущую, распятую плоть,
Небесной правит жизнию Господь.

Родится, только, человек едва,
И с ним уже рождаются слова,
Предвестники грядущих знаний мира, —
Для неба данная, земная лира.

ПОЭЗИЯ И ДОБРО

Хороший вкус в поэзии приятен,
Но в жизни есть еще добро и зло.
Пускай на солнце много пятен,
Оно и с пятнами светло.

Гармонии мы долго достигаем,
Ее еще не знаем полноты.
Одно добро назвать мы можем Раем
И положить на жизнь и на листы.

СНОВА НАБИРАЕМ ВЫСОТУ

Вздыхая, но не задыхаясь,
Мы набираем высоту,
Так человек грешащий, каясь,
Идет, как в небо, в доброту,

Сочувствует и помогает,
Что может, ближним раздает,
И, злую самость возмогая,
Осуществляет свой полет.

ТЕРМИНАЛ

Как в улей пчелы поздний мед несут,
Так собираются они и тут,
Растеряны немного и бескрылы,
За гранью стен свои оставив силы.

Одни готовятся в иной полет,
Другие ползают уже, как трутни,
Устраиваются поуютней
И есть хотят добытый в мире мед.

РИФМА

Ничего случайного нету
В этом быстром и шумном веке.
Как хорошая рифма поэта,
Не случайна жизнь человека.

Мгновений наших сцепленье
Направлено к лучшей цели,
И подарено — даже пенье,
Но сказано, чтоб мы — пели.

СУЩНОСТЬ ПОЭЗИИ

И в тайну всего живого
Не в силах проникнуть сами,
Мы зовем чудесное слово,
Начинаем писать стихами.

И мир открывается новый,
И жизнь, чем дальше, тем краше
Идет перед нашим словом,
Открытая словом нашим.

КНИГА ЛИРИКИ

РОЖДЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Так медленно идет на землю свет,
И воскресают мира очертанья,
И возникает жизни щебетанье,
Невинности неповторимый след.

Вся тайна мира в этом созреваньи
Часов и дней, веков и лет,
Без жалобы, без самооправданья,
Без утомительных, пустых побед.

ЗЕМЛЯ

Шар такой чудесной выточки,
А висит на чем не знаю.
Может он висит на ниточке
Меж несчастием и раем,

Между слабостью и силою,
И висеть до срока надо, —
Полюбите эту милую
Землю, пахнущую садом.

КАЛИФОРНИЙСКИЙ ДЕНЬ

Ветки пальмы словно тонут
И поднять себя не в силах,
Воздух синий нежно тронут
Ветерками птичек милых,

Этим серым, желтым, синим,
Несговорчиво поющим,
Залетающим под кущи,
Ветром жизни средь пустыни.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Темной ели бархатистой
Путь надежен, прям и строг,
Но на высоте скалистой
Поредел и изнемог.
Словно нет уже дыханья,
Непосильна высота,
И все ближе след сгоранья
Непалимого куста.

ЛОТОВА ЖЕНА

Душа подобна Лотовой жене,
Не остается долго в вышине.
Оглядываясь на Содом,
Отыскивает там свой дом,
И каменея смотрит в ту юдоль,
Где смерть свою оставила и боль.

АНТИБЫТИЕ

Бесплодна и страшна езда
Средь неприкаянного мира.
Уродливые поезда
Каких то ловят пасажиров,
И, второпях, им не сказав,
В каком везут их направленьи,
Привозят на пустой вокзал,
Откуда было отправленье.

Ангел тихий встал на колени.
Слезы Богу душа несет —
Боль Петра и своих отречений
От великих Его забот.

И молитва души все тише,
Сокровеннее бытие.
И все радостней небо слышит
На земле страданье ее.

В ГОСТЯХ У ИОВА

Эти маски, эти роли
Так препятствуют блаженству!
Тело нам дано для боли,
Как душа для совершенства.
Иов старый мыслил быстро
И имел большое знанье:
«Мы приходим на страданье,
Чтоб стремиться вверх, как искры.»

ИСТОРИЯ

История, есть долгий в вечность путь,
Больным волом запряженные дроги.
Мы едем и хотели б отдохнуть,
Остановиться где то на дороге.

Лирических поэм не заслужив,
Мы слушаем глухую песнь возницы,
Все той же страсти медленный разлив,
Который все тысячелетья длится.

И нас торопит солнце … Вновь и вновь
Уводит нас в холодные рассветы —
Быть может это вечная любовь,
Которую мы все забыли где то,

Но след ее остался невредим,
Средь тленных зорь, всплывающих над нами,
И все она зовет, как херувим,
Одетый в Слово, облако и пламя.

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Над памятью тревожной этих лет
Изнеможенья и недоуменья,
Стоит какой то предвесенний свет
И отрешения, и разуменья.
И кажется, что не было его,
Волненья и смятенья твоего.

Аллитераций безответный гром
Так часто слышен в воздухе пустом.
Открой стихи озерной глубины,
Где отсветы начальные видны
И жизнь рождается — совсем одна —
Как в скалах солнечная тишина.

СПИЧКА

Усталый человек взмахнул рукой
И горький дым глотает по привычке.
И нет во всех мирах души такой,
Которая жалела бы о спичке.

Но, может быть, есть все же сын земной,
Познавший тайну малого творенья, —
Пусть будет он, хотя бы, только мной,
И дар его — одним стихотвореньем.

Нежданное не наступает вдруг.
Оно не изумленье, не испуг,
Не растворенье перед красотой,
А только пенье истины простой.
Нежданные стихи всегда пиши
Всей легкой простотой своей души.

БАЛЛАДА О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

В гостинице, где я живу,
Есть длинный корридор.
Там душам тесно, как во рву,
А сапогам простор.

У всех дверей они встают,
Как тень земных дорог,
И людям ночью не дают
Переступить порог.

Они без глаз и без ушей,
Собой не хороши,
Но мир ночной для них слышней,
Чем для земной души.

Земле ночной нельзя помочь,
Ей только шлют свой вздох;
И так вздыхает мир всю ночь,
В начале всех дорог.

Пустынен коридор земли,
Все души тяжко спят,
А за дверями их в пыли
Одни тела стоят

И ждут мгновенья своего,
Не мысля, не дыша;
И всякий ждет, когда его
Пробудится душа.

А в небе медленный рассвет
И новой жизни час
Уже несут свой первый свет
Для неглядящих глаз.

ЛИСТ

Ни молчать, ни лгать не может,
Откровенный и несмелый,
На подснежник — так похожий
Новый лист бумаги белой.

Словно речию простою
Он один сказать умеет —
Овладей поэт рукою,
Овладей душой своею.

ДУША ВЕТРА

Вы хотите от меня деталей?
Посмотрите же наискосок —
Проплывает в ясной дали
Паутины волосок.

Это значит умер в мире ветер,
И земли осенние поля
Кто то благостный отметил
Дуновеньем бытия.

РОССИЯ

Пролетела черная птица,
Сокрывающаяся в мгле —
Неизвестной страны граница
Всем далекая на земле.

Мы на родине. Но не судьи
У дороги встают земной, —
Только утреннее безлюдье,
Облака над новой зарей.

Мы идем, земли не тревожа,
Слов последних не говоря,
А вокруг родное все то же,
Этот лес, поля и заря.

Мы не ждем никого, не ищем,
Но вдали, где светел восток,
Над одной далекою крышей
Покосился живой дымок.

И для нас это утро сада,
Вдалеке чуть заметный дым ...
Ничего иного не надо,
Пусть достанется все другим.

QUO VADIS

Город древний, сделай милость,
Чтобы вместо всех наград,
Время здесь остановилось
И потом пошло назад;

Чтобы тайных знаков Рыбы
Я нашел в тебе следы,
И апостолы прошли бы
Чрез остийские сады.

НИГЕРИЯ

Те же самые петухи,
Что поют на русской заре.
Воздух пряный густ, как духи,
Небо синее в серебре.

А в сердцах не зависть, не месть
И не тучи вокруг лица —
Собрались мы, как братья, здесь,
Чтоб прославить земли Творца.

1965

УТРЕННИЕ ЗВЕЗДЫ

Белеют звезды над моим окном
И умирают легким звездным сном,
В луче рассветном, солнечном цветеньи,
Холодной синевы прикосновеньи.

Кленовый лист несет земле свой тлен
И трещина идет средь наших стен,
Несовершенств печальная забота,
И плачет, и поет над миром кто то.

КОСМОНАВТ

Вылетел залп из новых орудий,
И дым над землей поднялся, как вьюга.
И были убиты сразу все люди
Севера, запада, востока, юга.

А земля неслась по своей орбите,
К солнцу привязанная, как птица.
И космонавт над землею открытий
Не знал, где ему теперь опуститься ...

Там, где нету любви, нет и любимых.
Небо горит темнея, светлея,
Озаряя землю, полную дыма,
И одного космонавта над нею.

ОГОНЬ

И глубину и высоту,
Я все Тебе даю,
И ту последнюю версту
В моем земном краю,
Когда уже не надо мне
Стихов и слов моих,
Когда на медленном огне
Горит и этот стих.

ПАТМОС

Здесь Иоанн свою пещеру,
Как землю новую обрел,
И из пещеры вынес веру
На крыльях медленных орел,
И все кружил над пеной белой,
И отлетел в свой Горний Град.
С тех пор на Патмосе закат
Стоит средь волн осиротелых.

СНОВА УТРО

Много жалости и милости
В бледном небе надо мной.
Надо жить без торопливости
В неизбежности земной.

Листьев нежная сумятица,
Как дыхание земли.
И все тайны мира прячутся
Легким облаком вдали.

Чем старше мы, тем голос тише,
И часто кто то нас зовет
Сквозь музыку четверостиший
В какой то медленный полет.

И сами мы еще не знаем,
В какую радость мы идем,
Окружены уже, как Раем,
Неудаляющимся Днем.

НЕСКУЧНЫЙ САД

8 – 722477

ЛИРИКА

Утаиваясь от дорог больших,
Идут, как будто стороною, годы
И, словно человек, безмерный стих
Рождается в земную непогоду.

Он медлит в мире, как последний вздох
И вслух земле не сказанное слово, —
Как малая, из самых малых крох
И капель медленных дождя земного.

ПРЕДМЕТЫ

Предметы, если не летят,
Великой тишиной звенят.
И в полночь, первый жизни час,
Предметы все жалеют нас.

А мы, немудрые, поем
И тишины своей не ждем.
За нас молчит предмет немой,
Как ангел тишины земной.

КОЛИБРИ

Я много лет не слышал соловья.
Быть может соловьи теперь погибли.
Но в Калифорнии душа моя
Прислушалась к летанию колибри.

Колибри песен райских не поет,
Она летает, как летают пчелы,
И песнь ее — сверкающий полет
К цветам печальным и к цветам веселым.

В каждом новом дне и годе
Есть безмерности река.
Все быстрее мир уходит
Легким дымом в облака.

И земля всегда на грани,
На отлете, без корней,
Словно ты, последний странник,
Притаившийся на ней.

БЛИЗОРУКОСТЬ

Мир земле открыт не прямо
Мир таинственно открыт
И расплывчатости яма
На людей всегда глядит.

Расплывается виденье
На земле вещей простых.
Только вестником прощенья
Над землей восходит стих.

ПОЛУЛЮБОВЬ

Зови любовь на эти берега,
Где нет ни тесных скал, ни опьяненья
Свободою, ни тишины, ни пенья,
И нет уже ни друга, ни врага,
Но водорослей ласковая прелость
Лежит в песках зеленоватых вод,
Да раковин пустых окаменелость,
Полулюбви земной забытый плод.

БЕЗЗАЩИТНОСТЬ

Д. Кленовскому

Все связано порукою земной —
За зверем ночь, простор за белой птицей;
Но кто укроется за белизной,
За ангела, кто может заступиться?
Нет беззащитней в мире, чем они,
Нет утаенней их в холодном мире.
Пред ними надо зажигать огни,
Их надо петь на самой громкой лире
И говорить, что ангелы всегда,
Спасая смертных, падают в пучину.
Они идут с волхвами, как звезда,
Хранят рожденье, пестуют кончину …
Хранитель ангел, если, и любя,
Твой шопот я поранил невниманьем,
Прости меня. Я знаю, что тебя
Увидят все в час позднего свиданья.
Когда наступят сумерки земли
И свяжутся навек пустые речи,
Все ангелы придут, как корабли,
Последней беззащитности навстречу.

НЕСКУЧНЫЙ САД

Нет ничего звезды горючей краше.
Мы все живем на молодой земле,
В ее садах проходит время наше,
Как уголь, утаившийся в золе.

Средь безвозвратности земных кочевий
Взор на большой звезде останови.
В Саду Нескучном тихие деревья
Нам говорят о вечности любви.

Нескучный Сад хранит свои стволы
Средь запахов березовой смолы.
Нескучный Сад, он весь тебе открыт,
Нескучный Сад, он на тебя глядит, —
Медлительно глядит в глаза твои
Безмерностью — и верностью — любви.

ТИХОСТЬ

Обиженные тишиной стоят леса,
В каких то ветках дальних скрылись птицы,
Коричневатая и желтая оса
На стебельке упрямом копошится,
И в неподвижном полумраке хвой
Земля пьянится тихостью земной.

БАЛЛАДА О ПОНЕДЕЛЬНИКЕ

Начинается понедельник,
Начинается так давно.
У окна все сидит бездельник,
Смотрит в праздничное окно.

И когда над зарей багряной
Загораются облака,
Странной гостьей глядит незваной
Человеческая рука.

Ничего человек не пишет
На великой земле своей.
Только слышит, как в ветках дышит
Птичка малая, соловей.

И проходит в безделье этом
Человека легчайший век.
Пусть он будет назван поэтом,
Этот праздничный человек.

РАДИОНОВОСТИ

Полусчастлив, полусердит,
Все безразличней, все бесследней,
Ничтожный дух земли спешит
Делиться новостью последней.

И льются токи новостей
Чрез облака струею теплой
На крики, лязги, стоны, вопли
И хрусты дальние костей.

БАЛЛАДА О ПЕРЕСАДКЕ СЕРДЦА

Я малое сердце отдал,
Его мне вырезал врач,
И стало оно навсегда
Началом больших отдач.

Оживился сердцем другой,
А, после него, еще
Всаживал врач быстрой рукой
Сердце в живое плечо.

И сердце пошло кочевать
В безмерности без потерь,
Как любовь, как сестра и мать,
Открытая в небо дверь.

Человек, над сердцем не плачь,
Земных врачей не тревожь,
Есть для всякого сердца Врач
И молний чудесных нож.

ПРОСТОЕ УТРО

Поэт еще не свыкся с простотой
И не поверил утру мира Каин.
Такой веселый и такой простой
Гуляет ветер у дневных окраин.

Приходит мир к своей голубизне,
Поющему обещана награда.
Не бормочи, а улыбнись во сне
Прозрачно-светлым гроздьям винограда.

АДДИС АБЕБА

Когда затихнет в мире крик усталый
И солнце снова ляжет за горой,
Идут к задворкам робкие шакалы,
Ища себе нечистоты земной.

Их время — тьма. Ничто не потревожит
Обгладывания костей в пыли.
Они ступают в мире осторожно,
Как бедные сыны моей земли.

9 – 722477

МОСКВА

Опять поет в рассвет поэт пригожий,
Тревожа утомленную весну,
И поздний спотыкается прохожий,
Бредущий к незаслуженному сну.

Москва, Москва, опять все в том же «звуке»
С надеждою терпение слилось.
Я все иду к тебе, как сын и гость,
Не знавший ни прощанья, ни разлуки.

МАРИНА

Ее стихи текли в ее руках.
И слышалась в прищуренной Марине
Обузданная смелость ветерка,
Легко гуляющего по пустыне.

Она держала беззащитный щит.
Безжалостно и вдохновенно-зорко
Она в стихах безумных говорит
Своей единственной скороговоркой.

Ей не хватало, может быть крыла.
Но мы не знали, где любовь и милость,
И мы забыли, как она ушла
И над Елабугой остановилась.

У порога рая
Мы лежим умирая,
Горюем, сердимся,
Что с раем не встретимся,
Что жизнь у нас другая
И нету рая.
А рай совсем у порога,
Только ступить немного.

Твой Гость к тебе стучит
И каждый сердца стук —
Удар о слабый щит
Его желанных рук.

ТУЛЬСКАЯ ВЕСНА

Сколько разных светлых точек
На полнощном небосклоне.
Клейкий маленький листочек
Шевелится в звездном лоне.

Пахнет все водою вешней,
Обнаженных листьев тленьем.
Средь прогалин у скворешни
Умирает снег весенний.

СТОРОЖ ЗЕМЛИ

Гуляет смерть по всем ножам, штыкам,
По всем стихам земным, стволам ружейным,
По крикам и слезам, по снам келейным,
По всем пустым глазам, слепым рукам.
Но вся любовь открытая векам,
В неповрежденности благоговейной,
Стоит и стережет земли покой,
И тихою зовет меня рукой.

ТЕЛЕГРАММА ПОЭТУ

Сходит с людей короста,
Дух прелый и пряный.
Поэт, говори просто,
Негромко и прямо.

Многое, что случилось
С поэзией, любовью —
Время сократилось,
Конец многословью!

СЕВЕРНАЯ АФРИКА

Зинаиде, сестре

Песнь и вера, шопот и труд
На рассвете жаркой земли.
Петухи, корабли поют,
Идут в рассвет корабли.

Человек свободен и раб
В этой странной своей судьбе,
Как большой тяжелый араб
На малом, тонком осле.

Танжер. 1952.

БЕРЕГА ТИБРА

Блистали здесь мечами, латами
И всякой древней славой ходкою,
Теперь туристы с аппаратами
Идут некрепкою походкою.

Тысячелетьями изъеденный,
Тибр бредит древнею дремотою,
Неся забвенье, как заведено,
Луною и водою желтою.

И, легким бредом утомленная,
Неистощимой речью южною,
Земля исходит песней сонною
И сновиденьями ненужными.

ПРЕД УТРОМ

Не передумать и не перечесть,
Что мы своей земле уже сказали.
В словах последних тихий шопот есть,
Его уже не слышно в этом зале.

Так странно в мире люди говорят,
Нельзя понять, смеются или плачут.
А свечи в душном зале все горят —
Рассвет еще не начинался, значит.

Уступчивость и непреклонность,
Как две сестры передо мной идут.
Я вижу, как они меня зовут,
Одна — своей улыбкой сонной,
Другая — не давая отдохнуть,
Все к новым звездам открывая путь.
Нежны глаза одной, — другой — строги,
Мне эти сестры равно дороги,
Мне вожделенны эти два огня,
Что звезд сильнее и мудрей меня.

ПОСЛЕДНИЙ ШУМ

Тихо мы живем и умираем,
Голову на левый бок склоня,
Словно сердце задышало раем,
Шумами последними звеня.

В наше сердце эта жизнь приходит
Поцелуем ангела в тиши.
Отойди душа от всех бесплодий,
Воздухом бессмертности дыши.

НЕВИННОСТЬ ЛУНЫ

Нам не легко итти дорогой тряской
В своем земном тревожном полусне
И мы, с какой то сладостной опаской,
Уже взлетаем к медленной луне.

Луна невинная, наш век железный
Идет чернить твой лунный светлозем.
Пролей в него всю царственную бездну
Своим ночным сияющим дождем.

УКРОЩЕНИЕ ВЕЛИЧИЯ

Человек на свет родился
Музыкантом и поэтом.
Ростом он остановился,
Милосердье вижу в этом.

Знают меру все таланты,
Мед они едят с акридом;
Утомляют нас гиганты
Разных светлостей и видов.

ТРУДНАЯ РАДОСТЬ

Летейских бурь нельзя остановить,
Но можно жить с холодной жизнью рядом,
Когда осенней верностью любви
Огнем цветут средь хлада листья сада.

Нам к трудной радости привыкнуть надо.
Придет негаданно великий день,
И вот, идет его нагая тень
Неотвратимою своей усладой.

КАЛИФОРНИЯ

Я опять на земле любимой,
На бесснежной Твоей земле,
И текут апельсины мимо,
Словно красный огонь в золе.

Это житница и пустыня,
Океан облаков и вод,
Свежий ветер, от моря синий,
В ветре тающий пароход.

10 – 722477

ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ

Гуляешь своей дорогой,
Счастьем идешь опять,
Хочется небо потрогать,
Погладить, поцеловать.

Изменяйся доброе небо,
Синей, бледней, голубей,
От земли непутевой требуй
Ласточек и голубей.

БЕЛАЯ КНИГА

Безрадостной невнятицей потерь
Мы долго мерили свои седины.
И нам теперь открылась эта дверь
В глубины белой Книги Голубиной.

Нам старость новая теперь слышна
Средь млечной седины ее высокой.
Она нужна, как эта седина
Уже белеющая на востоке.

ЛИМОННЫЕ САДЫ

На выжатый лимон
Смотрю — какой восторг —
Он так себя исторг,
Так миру отдал он!

Бессмертью по пути
Лимонный этот прах.
Душа моя, цвети
В лимонных тех садах.

ДРЕВНИЙ ГОЛУБЬ

Тяжелой шубой океана
Покрыт холодный мир земной,
И выростают из тумана
Все волны мира предо мной.

И вечность в волнах этих длится
Под тяжким временем земли,
И ту же ветку мира птица
Несет в земные корабли.

ИЗБРАНИЕ ТИШИНЫ

ИЗБРАНИЕ ТИШИНЫ

Может быть, мне подобает сметь
И другую тишину иметь.

Но такая у меня одна
Бедная, земная тишина.

Ею ничего не объяснишь,
Это самая простая тишь.

И она всегда идет со мной,
В бедной неумелости земной.

Знаю мрак священной тишины,
Где лампады неба зажжены.

Знаю и молчание ума
Что приводит в мир Любовь сама.

Но храню я у себя одну
Бедную земную тишину.

В лирических бездомностях моих
Нет громких звуков. Зарожденный стих,
То медленной волной, то быстропенной
Течет. А я смотрю недоуменно
На эту совесть мира. Как и я
Она не звук, а шопот бытия.

ЭЛЕГИЯ СНЕГУ

Не так легко тревожить первый снег.
Идешь благоговейно и несмело
По снегу легкому, неснежный человек.
Вокруг тебя так медленно и бело
На землю падает потухший блеск
Невыразимо-сладостных пределов.

ПАМЯТЬ ЗИМНЕГО САДА

Чрез пустыню неразделенных,
Разделяющих жизни лет,
Добредает ко мне твой сонный,
Не глядящий в глаза привет.

Словно утренним первоснегом
Забелело мое окно
Той холодной и водной негой,
Позабытой уже давно.

ЖАЛОСТЬ И НЕЖНОСТЬ

Острая нежность и острая жалость
Рядом вошли в мой дом.
Жалость и нежность, нежность и жалость
Ходят всегда вдвоем.

Ни оправдать, ни понять другого
Люди не могут еще.
Только жалеют. И нежное слово
Другу кладут на плечо.

Жалость и нежность сплелись, как умели.
Нежность глядит вперед,
Жалость все делает в мире белым,
С жалостью нежность идет.

Снова стало небо стаей
Облаков и дальних звонов.
Шелестит листва простая
Бесконечности зеленой.

И душа недоуменно,
В этом воздухе не тая,
Белой бабочкой нетленной
Над большим цветком взлетает.

СТАНСЫ ДОЖДЮ

Какая честь оказана тебе —
Свободой от несуществованья
Отмечен ты. И выше нет призванья,
Быть равным человеческой судьбе.

Пролей себя на добрые поля,
Найди опять судьбу свою большую,
Ведь небо плачет, тихо негодуя,
Что так еще суха твоя земля.

ДАЛЬНЯЯ УЛИЦА

Тени пьют коктейли в барах,
В ожиданьи вечной тьмы,
Алкоголя хладным жаром
И тоской озарены.

Им коктейль Кровавой Мери
Мери делает сама
Из неверья и лжеверья,
Безрассудства и ума.

Звуки медленно клевещут
На любовь и на добро,
Расщепляются все вещи
На последнее ядро.

И висит на стенах липкий
Полушопот, полукрик.
Все спокойно, как на Шипке,
И торчит из снега штык.

МЕТЕЛЬ

Все рассужденья мира шатки,
Святую истину люби!
В пургу доверь своей лошадке,
Ее вожжой не тереби.

Ей созерцанья невозбранны
И зрима в мире тишина.
Сквозь все метели и бураны
Придет на тихий двор она.

11 – 722477

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ

Мы с Россией встретились недавно,
С той живой Россией из России.
Разговор вели мы с нею главный,
Но слова я говорил простые.

И меня Россия целовала,
Предо мной ломала все преграды.
Я любовь России знал так мало,
Полюбить меня ей было надо.

Я ничто. Но огненное Слово,
Зажигая речь мою простую,
Все идет, идет к России снова
В этом Слове я ее целую.

РОССИЯ

Входит совесть конницей,
На конях тяжелых,
И бредет бессонница
В города и села.

Все поет и кается
Дух великороссья,
Правдой проливается
Из тугих колосьев.

Мы любви посредники
Меж ночью и днем,
С долгим днем собеседники,
С днем и с огнем.
Все, что в мире случается
И может случиться,
Лишь нам доверяется,
Лишь нас боится.
И нам улыбаются
Ночей просветы:
«Жизнь поручается
Одним поэтам».

ВЕСНА В ЗВЕЗДАХ

Мы этих звезд над миром не заметим,
Когда придет конец земным тревогам.
Песок для игр небесных данный детям
Он был для нас и счастьем и дорогой.

Невыразимо наше упованье.
Придет весна и в звездные стихии,
Ненужные растают расстоянья
И непонятности сгорят земные.

WOLFGANGSEE. МАРТ

Здесь паруса среди холодных вод
И снежных гор еще не отогрелись.
Их обступают, их целуют ели
И ветер им весну свою несет.

Весна уже идет на горы эти
И воды умножают синий свет,
Но паруса, еще слепые дети,
Со мной стоят в недвижных водах лет.

НОЧНАЯ ЗАПИСКА

Не кажется ль тебе, что жизнь прошла
И что то сокровенное настало,
Чему не подберешь еще слова.
На всем лежит ночное покрывало,
На всем еще предутренняя мгла
И сокровенности в сердцах так мало,
И мы над одиночеством своим
Еще так много в мире говорим.

УПРЕК ПОЭЗИИ

Поэзия, не ты ль всему виной?
Тебя зовет и судит голос мой.
В земную немоту изнеможенья
Ты посылаешь тень стихотворенья,
Она мелькнет и взор вещей погас,
И долго ты не навещаешь нас,
Всю эту землю странную, больную,
Как будто бы стыдясь, иль негодуя.

Мы безумно молимся подчас
И хотим того, чего нельзя нам.
И душа идет у нас туманом,
Вера есть, а света нет у нас.

Ночь цветет последними огнями,
Утаясь меж бдением и сном.
Подари нам, Боже, это пламя,
Огненный язык в саду ночном.

Он бросает в огонь и воду,
Демон утренний, полунощный,
И в пустыне, и средь народа,
И нечаянно, и нарочно.

Не гоняйся за славой едкой,
За недоброй и скучной силой,
Не для этого мать носила,
Отпустила из темной клетки.

Не встречайся с улыбкой странной
И слезою неверной, странник.
Безнаказанно, постоянно
Мир наказывает незнанье.

Проходи все снова и снова,
В мире негде остановиться.
Над дорогой, где вьются птицы,
Ничего еще не готово.

НЕЗАБВЕНИЕ

Мимолетности не прощают,
Бедной временности своей.
Никогда не запоминают
Желтых трав и голых ветвей.

Только ласточки дуновенье,
Реку тронувшее крыло
В удивление и нетленье
Незабвение унесло.

И звезда у пруда ночного
Отражениями огня
Говорит мне вечное слово
Доходящее до меня.

РУКА ЧЕЛОВЕКА

Почему мы все живем так сонно,
Словно тайны нет у нас, людей.
Погляди же ты в свою бездонность,
В тайну тихую руки своей.

Наши руки — медленная тайна,
Долгая улыбка и слеза.
В них любовь раскинула бескрайно
Удивленные свои глаза.

Сотворенная уже для рая,
Каждая рука живет крылом.
Оттого их в мире распинают
И в холодный гроб кладут потом.

Все идут века, тысячелетья,
В бедных спорах о добре и зле.
Но никто еще не мог заметить
Руку человека на земле.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ СЧАСТЬЯ

Правой рукой крещу левую,
Левой — благословляю правую.
Расцвети земля силой хлебною,
Не отравами, а травами.
Открывайся счастье не мерою,
Вечностию, не забавою, —
Я крещу тебя, счастье, верою,
Левой рукою и правою.

ПЕСНЬ О НЕПОВТОРИМОСТИ

Каждый день — подарок Божий,
На вчерашний не похожий.
Каждый новый стих творимый
В вечности неповторимый,

Как и утра белый дым
В вечности неповторим.

Мы занялись луной. Как детям в доме,
Чтоб не мешали взрослым, не дрались,
Дают играть, так нам открылась высь.
Луна дана, чтоб стали мы бездомней.

Негрозящею, тихой силою,
Отошедшей в любовь и труд,
Дни земные, бессоннокрылые,
Нас к надежде своей зовут.

А надежда идет и ластится,
Раскрывается до гола
И снимает земные платьица,
Обнажая свои крыла.

Мудрецом ли, простым невеждою,
Человек посреди реки
Все спасается лишь надеждою,
Всем спасениям вопреки.

ВЕЧЕРНИЙ ПСАЛОМ

Чего б ни коснулся я,
Неба касаюсь всегда.
Беру ли я города,
Берет ли меня земля,

Всюду все та же страна
В звездной дымится пыли.
И ночь ее все одна,
Последняя ночь земли.

12 – 722477

ПОСЛЕДНИЙ ШОФЕР

Увозит бренные останки
На кладбище седой шофер.
И на земные полустанки
Он взор испуганно простер.

И слышит — сердце где то бьется
И остается сердце мной,
Когда меня не остается
На этой малости земной.

Он понял вдруг, шофер ненужный,
Сопровождающий тела,
Холодных далей ветер вьюжный
И тайну теплого крыла.

Земля входила в звездное теченье,
Не понимая, что велит ей Бог.
И вдруг запел земле Давид пророк
О безначальном Божьем дуновеньи.

И все поет в веках сердцам простым,
Что никому из них не одиноко —
Над каждым человеком звездный дым,
Над звездами Недремлющее Око.

ГОРНЫЕ РОЗЫ

Есть много знаков у кустов Синая,
Ожогов и окалин бытия.
И поднимается душа моя,
Еще огня последнего не зная.

Все ближе синева, трудней дыханье,
Последний воздух берегут уста
И тает утомительное знанье
Пред розами горящего Куста.

БЕГСТВО ОТ ЧУДА

Я грешен тем, что чуда не хотел
И уходил в поэзию от чуда.
Но только чудом я дышал и пел,
И чудо все стекалось отовсюду.

Сбегало чудо в мир со всех концов,
Со всех страниц, из всех тысячелетий.
Мне открывалось чистое лицо
Любви. И чудо завершалось этим.

ЕЩЕ НОЧЬ

«Сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь.»

Исайя 21.

Уходит солнце мира, пламень пленный,
И наступает время долгих снов.
О дружественности несовершенной,
Неутолимый и неясный зов.

Медлительная ночь идет над всеми,
Ресницы мира опуская в сон.
И длятся сновидения. И время
Все сторожит уставших от времен.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «УПРАЗДНЕНИЕ МЕСЯЦА»

Рыба смотрит из пруда
На кусты сирени,
Но мешает ей вода
Видеть их цветенье.

Так и люди, каждый день,
Из своей ограды,
Видят в мире только тень,
Только отсвет Сада.

О ЛЮБВИ

Пусть рифма на любовь не создана,
Ей может быть одна любовь ответом, —
Поэзия, большой любви страна,
Которую не знают в мире этом.

В долинах мира тот же зреет лед
И крепнут виноградные настои;
А над поэзией любовь идет
И солнцем, и туманом, и звездою.

Слова любви твоей всегда бедны,
Но, бедностью овеяны великой,
Они родят пророческие сны,
В своих невнятных шопотах и криках.

Любовь — цветок особенный. Не ждите
От этого цветка больших событий.
Он зреет на широких ступенях
Всей нашей жизни. Сердца легкий прах
Высоких чувств, стремлений и наитий
У нас не замирает на устах,
Он царствует над миром; это он —
Живая связь народов и времен.

Не сны — любовь «объемлет шар земной».
Она всегда все в новых выраженьях.
Поэзии она приносит пенье,
И веры гимн великий и простой —
Ее сладчайшее осуществленье,
Когда наполнен он живой душой.
Любовь мы все несем в себе, как тему,
Таков большой роман моей поэмы.

Мы любим мать, жену, коня, да щей
Поесть мы любим, — вот она, какая
У нас любовь, бредет не разбирая
Людей, предметов … Только горячей
Все хочет стать она. А чьей? Ничьей!
Так часто здесь любовь не знает Рая.
Лишь там она неповторимо-лична,
Всегда единственна и единична.

И надо повторять нам вновь и вновь,
Что человек и есть сама любовь,
Как «образ и подобие» … Но кровь
«Любовью» самолюбье называет,
И ревность в ней безумно возникает,
И человек, своей любви не зная,
Обманутый на смерть самим собой,
Себя ввергает в темный призрак свой.

Любовь идет. И нет уже иной
Нам цели жизни в этом мире странном,
Как только жить любовию одной,
К ее незримым прикасаться ранам.
Любовь идет бессмертием в уста
И открывает все миры вселенной.
Сойди ж в нее земная красота,
Последний этот луч на небе тленном.

О ДОМАХ

Мы друг для друга жизни новой весть,
Свет познавания и узнаванья.
И в наших встречах исцеленье есть
И расстояния, и расставанья.
Пусть будут наши вдумчивы желанья, —
Слагается о жизни нашей песнь,
Чтоб всякий мог когда нибудь найти
Уют поэмы на своем пути.

Какой нибудь пиит односторонний
Улыбки может быть не оценит.
Но я люблю огонь своих ироний.
Ирония есть меч, она есть щит.
Она огонь, она всегда погоня.
Себя творя, она себя таит.
Она давно в моих стихах все крепла,
Веселой молнией под грудой пепла.

У всех домов имеется фасад
И разные бывают интерьеры.
Есть черный ход, устроен где то склад
Вещей ненужных людям, скучных, серых.
Бывают здания не без заплат,
Иль старые, и требуется вера
Чтоб поселиться в них, — неровен час
И дом такой вдруг похоронит вас.

И социолог должен понимать,
Что в каждом обществе, в душе, в народе,
Мы, люди, строим разные дома
Противные самой людской природе.
Их словно жизнь не строила сама,
А в руки сунула нескладной моде.
И грустно видеть мне хороший дом
На месте пыльном, грязном и пустом.

Нескладен дом иной, как ни гляди, —
То слишком уж роскошно впереди,
То сзади, как то, слишком неказисто.
Бывает, дом имеет облик чистый,
Но ты в него без света не входи,
Запачкаешься, даже у министра.
Мы в жизни часто строим без ума.
И нас все учит, учит жизнь сама.

КРАТКАЯ БАЛЛАДА О КРОВАТИ

Дана кровать на много лет,
Но жизнь ее узка.
Здесь человека легкий след
Уходит в облака.

Стоит кровать у всех дорог,
Как жизни нашей дверь
И, как медлительный порог
Бесчисленных потерь.

Нагроможденье вещих снов
И радостей пустых,
Она бессмысленности ров
И берег высоты.

Конечно, всяк себе противник первый.
Сужденье сердца — горе для ума.
И тут не надо говорить о нервах,
Ведь нервы, это лишь стекло окна
Души твоей ... Равенне и таверне
Честь воздается, в окнах, не одна.
Хоть рассужденья эти, в общем, верны,
Но сердце — смесь таверны и Равенны.

Как хорошо увидеть новый дом,
В его удобном замысле простом.
Какое это право наслажденье
Замыслить дом, осуществлять в терпеньи,
Владеть умом, играть воображеньем
И поселиться после в доме том ...
Давайте дом такой построим вместе
На самом лучшем и красивом месте.

«Лови воров», кричат по перекресткам.
А люди на углах своих стоят,
Беззвездной тьмой закрытые до пят,
И дождь по ним сечет холодный, хлесткий.
И никому нельзя пойти назад.
А впереди гроза и гулкий град,
И нет домов — сколоченные доски
Вокруг людей, как тысячи преград …
А сотворен был мир, как Божий Сад.

БАЛЛАДА О НЕУМЕЛОМ СЕРДЦЕ

«Площадь Маяковского»

Как писать ее, не знаю,
Эту горькую балладу.
Ведь у белых яблонь Рая
Начиналась песня хлада.

Не о красном русском лете
Я свои слагаю строки.
А о смерти и поэте
Тут на свете одиноком.

Гулко шел он Гулливером
По стихам, снегам России
И холодным револьвером
Все грозил в гробы немые.

Строки капают, как слезы
На платок страницы белой.
Он поэт совсем не грозный,
Только — сердцем неумелый.

И любовь к нему прильнула
Лишь одним комочком серым,
Словно шла она из дула
Ледяного револьвера.

Петухам заря велела петь
О познаньи светлого сознанья.
Влита в петушиный голос медь
Одиночества и покаянья.

Много есть пристанищ у Отца,
Гаваней без бури и без боли.
Петухи в людских поют сердцах,
Петухи поют о Божьей воле.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЫЛИ

Я поднимаю пыль. И, с каждым шагом,
Я поднимаюсь над землей, как пыль.
Пылятся незабудки по оврагам,
Пылится память, как сухой ковыль.

В глубинах пыли тлеют мира сваи.
Я пылью покрываюсь и грешу.
Пылится все во мне. Я пыль смываю
И снова поднимаю, и ношу.

Но эта пыль уйдет в одно мгновенье,
Настанет чистоты великий час,
И воссияет новое творенье,
И воскресит Господь из пыли нас.

Чудесное от вечности восстанет
И будет вечно близким и живым.
И пыль чудесна — ведь ее не станет,
Она преобразится в звездный дым.

Сдружился я со всей своей землей —
Прекрасная, отважная планета.
Но многие ли замечают этот
Ее полет над бездной мировой.
Все по своим расселись кабинетам
И каждый превозносит угол свой,
Не понимая связи расстояний
В гармонии и славе мирозданья.

Мы все бредем в пыли своих вещей.
Как мухи, малости нас облепили,
Ничтожности вещей нас обступили.
Душа моя, ну, выходи скорей!
Познай себя и проходи над пылью,
Дыши простором чистым на горе, —
Откроется весь мир перед тобой
И сделаешься ты сама собой.

Как хорошо смотреть легко на всех,
На правых, левых, благостных и строгих.
Нам всем даны и крылья, и дороги,
И слезы нам даны, и чистый смех
Иронии, как ветер быстроногой.
Мы — сами авторы своих помех.
И нам не надо уходить куда то,
Чтоб видеть в каждом человеке брата.

МОЛИТВА О МОЛИТВЕ

Молитву, Боже, подай всем людям.
Мы так немудры, а — всех мы судим.
В нас нет молитвы и нет виденья,
Нет удивленья и нет прощенья.
Нас неба мудрость найти не может
И наша скудость нас мучит, Боже.
Дай из пустыни нам выйти ныне,
Мы алчем, жаждем в своей пустыне.
Мы дышим кровью и рабским потом,
А смерть за каждым, за поворотом.
Любовь и веру подай всем людям,
В нас нету меры, но мы не будем
Ни жизни сором, ни злом столетий —
Прости нас, Боже, Твои мы дети!

Так быстро наше время на земле,
К чему нам думать о вещах вторичных.
Мы все проходим цепью историчной,
Но есть еще вопрос о нашем зле
И подойдем к нему реалистичней.
Лежит у нас покойник на столе,
Поговорим же тут без уклонений
О страшном человека разложеньи.

«Материя», «случайность» — не ответ!
Случайности случайной в мире нет,
Случайности от века не случайны, —
Расчислены движения планет,
Зажжен квазаров пламень чрезвычайный.
В необозримых звездных океанах
Пылинка движется, земля. На ней
Я говорю торжественно о ней.

Мир умирает в смутных наслажденьях,
А жизнь идет над чистой глубиной,
И нет на свете радости иной,
Как радость вдохновения и пенья.

Потоки мутные несут свой ил,
Но звезды зажигаются над ними.
Земля, пристанище пустых могил,
Мерцает небу песнями своими.

О СВОБОДЕ

Длиннот классических я не люблю.
Но есть еще домашние длинноты.
Им хорошо стоять в таком строю
Тяжелых строф, несущих жизнь мою
По мировым пустотам и широтам.
В них жизнь стоит, как мед в хороших сотах.
И все мы ждем, привычкою старинной,
Что наша жизнь должна быть очень длинной.

Качается и плачет человек
Меж темным своевольем и свободой.
Свободу прославлял афинский грек,
Свобода сделалась французской модой.
Ни в чем не изменился этот век,
И человек все тот же в наши годы.
Свобода расцветает на устах,
Но все за ней стоят еще в хвостах.

Мы о свободе речь давно ведем.
Радищев, Пушкин нам ее воспели.
Свободу люди полюбить успели,
Но не успели с ней побыть вдвоем.
Велик свободы нашей водоем
И человек глубок, на самом деле.
Свобода хочет от своих детей
Свободы от незнанья и страстей.

К каким филологам нам обратиться,
Иль химикам, чтоб формулу нашли
Для месяца свободы? Время длится
И годы все летят — слепые птицы
По древнему лицу моей земли.
Свободе в мире негде приземлиться,
Она должна, как космонавт слепой,
Кружиться и кружиться над землей.

По ночам собаки в мире лают,
Стены спят и люди видят сны.
И луна, как радость молодая,
Льется на безлюдье с вышины.

Ждет любовь полнощную отраду,
Кормит жизнь горячей грудью мать.
А собаки лают. Им не надо
Много в этом мире понимать.

ЖАЖДА

Поучимся у классиков поэтов
Вести рукой небрежной рифмы нить,
Но стройность повести своей хранить,
Читателя не унижать секретом
И благородно недругов любить.
Так часто спотыкаемся мы в этом.
Чтоб жить легко, всех недругов любя,
Нам надо не любить самих себя.

Рецепт я дам для этого простой:
Смотри в себя всегда многообразно,
Но не любуйся бедною душой,
А наблюдай пути ее соблазна, —
Она тебя обманывает разно,
А ты ее поклонник ведь большой,
Все норовишь душе вручить награду,
Пред всеми даже, — надо, иль не надо.
. . . .

Учился я в старинном городке
Провинции бельгийской. Налегке
Я вышел с факультетов старомодных.
И от истории я был в тоске,
От всех ее правителей негодных,
От всех ее незрелостей народных.
В игре страстей не виделось мне силы.
Поэзия чуть слышно подходила.

Я подружился с рифмою моей,
А рифма тишину мне отыскала,
И тишина мне сердце обновляла,
И сердце обновлялось все сильней.
И тишина моей молитвой стала,
И подружился я навеки с ней.
Так странно все случается на свете,
И дружественны странности нам эти.

Меня влекло тогда к литературе
Прямой и чистой. Ни один уклон
Я не считал оправданным в культуре
Словестности. И лодочник Харон,
Единственный без лени и без бури,
Соединитель мира двух сторон,
Тогда, как будто, выбился из сил —
«Тенденции» он от меня возил.

Мне всякие тенденции претили.
Я чистоту в поэзии искал.
Гражданственности честный идеал
Казался мне в стихах летаньем пыли.
Чудейственный я требовал кристалл
Свободы, обрученной высшей Силе,
Которую все больше жизнь моя
Считала вознесеньем бытия.

14 – 722477

У Бунина в те годы я живал
На юге, в том чуть хладном «Бельведере»,
Где «Митину любовь» он создавал.
Был в дымке Эстерельский перевал,
Дыханье грасских роз входило в двери
. . . .

Должно быть всем теперь понятно —
Стихи не могут петь, как медь.
И не должны, как облак ватный,
Над безразличностью лететь.

Но надо, чтобы непрестанно
Соединять стихи могли
Тяжелозвездные туманы
С прозрачным воздухом земли.

ЕВКАЛИПТЫ

Есть в евкалиптах жажда тишины
И сокровенное единоборство
С деревьями … Подземного упорства
Следы вокруг и запахи слышны.

Дыханье отнимает евкалипт
У всех кустов и трав. И он дымится,
Навар стволов и листьев, жестких мирт,
Чтоб человек дышал и пела птица.

ПУТЕШЕСТВИЕ К БОЛЬШИМ СЛЕЗАМ

Мы летим, летим к стране чудесной,
Оставляя ночи долгих гроз.
Тонкий, робкий месяц неизвестный
Улыбается средь новых звезд.

Одобряет, видно, нас — летите!
Говорит он, наклоняясь к нам.
И уже стихает ветр событий,
Ветр земной, открытый всем ветрам.

Свет бессмертья нам летит навстречу
И утешить словно хочет нас.
Звезды нам свое сиянье мечут
Из раскрытых, удивленных глаз.

В небесах мы скоро где то сядем
И земля засветится вдали,
И казаться будет райским садом
Этот диск светящейся земли.

И мы станем вглядываться зорко —
В то, что сделали мы на земле.
И душа тогда заплачет горько
О своем неверии и зле.

Есть надежда, впрочем не простая,
Но такая чистая собой,
Что в больших слезах тогда растает
Горечь несвершенности земной.

АВТОРСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Первое мое стихотворение в печати появилось 50 лет тому назад в 1922 году, когда мне было 20 лет, в майской книжке журнала «Русская Мысль», выходившего в Болгарии под редакцией П. Б. Струве. Четырехлетний период моей поэтической юности кончился выходом лирического сборника «Предметы» [Шаховской. Брюссель, 1926 г.]. После этого я надолго отошел от искусства поэзии, и в сущности до 1959 г. почти не писал стихов. Тот мой стихотворный материал, который создавался с начала 30-х годов, был только моим созерцанием жизни. Оттого я присоединял, в эти годы, свои стихотворения к религиозно-философским и созерцательным своим книгам «Белое Иночество», «Жизнь», «Путь на Север», «Записи о любви к Богу и человеку». Большая часть этого поэтического материала была опубликована в сборнике «Созерцания», А. Иоанн [Сан Франциско, 1971].

Через 33 года после книги «Предметы», я вернулся к литературному поэтическому творчеству. Это было во время моего путешествия по разным странам Америки, Европы и Малой Азии. Книга этих моих лирических записей, «Странствия» вышла в Нью Иорке в 1960 г. За нею последовали — «Книга

Лирики» [Париж, 1966], «Упразднение Месяца» [Издание «Нового Журнала», Нью Иорк, 1968], «Нескучный Сад» [Калифорния, 1970], «Избрание Тишины» [Калифорния, 1971].

В книгу «Избранная Лирика» входят стихотворения из этих пяти сборников и — последние стихотворения, «Легкие Стихи», печатавшиеся только в периодических изданиях.

23 августа 1972.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЕГКИЕ СТИХИ

Искусство 7
Холодеющее небо 8
Начало звезд 9
Прохождение сквозь пепел 10
Пальцы человеческие 11
Голландия 12
Неклассовое сознание 13
Увенчание плача 14
Письма на станции 15
Любовь 16
Зарождение истории 17
Торопящаяся любовь 18
Человек 19
Игрушки 20
Поэтинка 21
Телефон в сумерках 22
Между строк 23
Стена плача 24
Безмолвие Израиля 25
Галилея 26
Лос Анжелес 27
Путешествие в слабость 28
Мандельштам 29
Воскресение поэта 30
Мученье неба 31

Посылка России 32
Еще о любви 33
Вход в Иерусалим 34
Чайка 35
Поэзия 36

СТРАНСТВИЯ

Утро в небе 39
Рассказ начинается 40
Облака 41
Туман 42
Остановка 43
Трудность простоты 44
Против анархизма 45
Доверие 46
Паспорта 47
Небо 48
Тайнодействие 49
Полусон 50
Газетные киоски 51
Швейцария 52
Язык солнца 53
Торопись 54
Предупреждение о любви 55
Отрешение 56
Встреча на Родосе 57

Элладский архипелаг 58
Поэзия 59
Лето благоприятное 60
Мир 61
День восьмой 62
Капернаум 63
Песнь Назарета 64
Чаша 65
Царьград 66
Вижу Черное море 67
Принцевы острова 68
Слушай 69
Стихи 70
Чистота 71
Рим 72
Знание 73
Техника 74
Ранняя осень 75
Человек над грядкой 76
Пределы лиризма 77
Человеческие слова 78
Поэзия и добро 79
Снова набираем высоту 80
Терминал 81
Рифма 82
Сущность поэзии 83

КНИГА ЛИРИКИ

Рождение вещей 87
Земля 88
Калифорнийский день 89
Восхождение 90
Лотова жена 91
Антибытие 92
Ангел тихий встал на колени 93
В гостях у Иова 94
История 95
Память войны 96
Аллитераций безответный гром 97
Спичка 98
Нежданное не наступает вдруг 99
Баллада о человечестве 100
Лист 102
Душа ветра 103
Россия 104
Quo vadis 105
Нигерия 106
Утренние звезды 107
Космонавт 108
Огонь 109
Патмос 110
Снова утро 111
Чем старше мы, тем голос тише 112

НЕСКУЧНЫЙ САД

Лирика 115
Предметы 116
Колибри 117
В каждом новом дне и годе 118
Близорукость 119
Полулюбовь 120
Беззащитность 121
Нескучный сад 122
Нескучный сад хранит свои стволы 123
Тихость 124
Баллада о понедельнике 125
Радионовости 126
Баллада о пересадке сердца 127
Простое утро 128
Аддис Абеба 129
Москва 130
Марина 131
У порога рая 132
Твой Гость к тебе стучит 133
Тульская весна 134
Сторож земли 135
Телеграмма поэту 136
Северная Африка 137
Берега Тибра 138
Пред утром 139

Уступчивость и непреклонность 140
Последний шум. 141
Невинность луны 142
Укрощение величия 143
Трудная радость 144
Калифорния 145
Чистый воздух 146
Белая книга 147
Лимонные сады. 148
Древний голубь 149

ИЗБРАНИЕ ТИШИНЫ

Избрание тишины 153
В лирических бездомностях моих 154
Элегия снегу 155
Память зимнего сада 156
Жалость и нежность 157
Снова стало небо стаей 158
Стансы дождю 159
Дальняя улица 160
Метель. 161
Русская любовь 162
Россия 163
Мы любви посредники 164
Весна в звездах 165
Wolfgangsee. Март 166

Ночная записка 167
Упрек поэзии 168
Мы безумно молимся подчас 169
Он бросает в огонь и воду 170
Незабвение 171
Рука человека 172
Благословение счастья 173
Песнь о неповторимости 174
Мы занялись луной 175
Негрозящею, тихой силою 176
Вечерний псалом 177
Последний шофер 178
Земля входила в звездное теченье 179
Горные розы 180
Бегство от чуда 181
Еще ночь 182

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «УПРАЗДНЕНИЕ МЕСЯЦА»

Рыба смотрит из пруда 185
О любви 186
О домах 190
Краткая баллада о кровати 193
Баллада о неумелом сердце 196
Преодоление пыли 198
Молитва о молитве 201

О свободе 204
Жажда 207
Евкалипты 212
Путешествие к Большим Слезам 213
Авторские замечания 215

Shahovskoy – Strannik
2040 Anza Street
San Francisco, Cal. 94118
USA